

ПРОБЛЕМА ПОИСКА НОВОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ СУЩНОСТИ ИСКУССТВА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

GÜNÜMÜZ KÜLTÜRDE SANATIN ARAŞTIRMASINDA KULLANILAN YENİ YAKLAŞIMLAR

THE PROBLEM OF SEARCHING A NEW METHODOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF THE ESSENCE OF ART IN THE SYSTEM OF THE MODERN CULTURE

PhD. Elena BALAKINA*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема поиска внутреннего изоморфизма сущностных особенностей исторического типа культуры и применяемых для его научных исследований методов и методологических подходов. Динамика развития общей логики культуры прослеживается в сопоставлении пар антиномичных явлений: дробление – восстановление целостности, анализ – синтез, разум – чувства, общее – уникальное. Специфика методологического подхода к изучению современной культуры заключается в сочетании особых способов переоткрытия сущности знакомых явлений ради восстановления их исходного смысла в системе культуры.

Ключевые слова: рациональный анализ объекта, глобальный дихотомизм, период хаоса, неравновесное состояние системы, целостность, принцип дополнительности.

ÖZET

Makalede kültür özelliklerin eşbiçimliliği ile onun bilimsel araştırmalarda kullandığında meydana gelen problemlerin çözme metotları tetkik edilmiştir. Parçalama – bütünlüğün yeniden tesis edilmesi, tahlil – sentez, zeka – duygu, genel - yegane gibi çatışkılar karşılaştırdığımızda kültürün genel gelişiminin asıl mantığı belli olmaktadır.

* Балакина, Елена Ивановна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии

Алтайской государственной педагогической академии, Барнаул, Россия;

Balakina, Elena I., PhD Cultural Studies, Associate Professor of Philosophy and Cultural Studies in the Altai State Pedagogical Academy, Barnaul, Russian Federation..

Günümüz kültürü araştırmak üzere kullanılan metodolojiksel yaklaşımların özelliği, ilk anlamını öğrenmek için kullanılan ve bilinen gelişmelerin bir bütünü oluşturmaktadır.

Anahtar Kelimeler: Mevzunun ayrıntılarıyla incelenmesi, global dihotomizm, kaos dönemi, sistemin dengesizliği, bütünlük, ekleme prensipleri.

ABSTRACT

This article considers the problem of searching the internal isomorphism of the essential features of the historical type of culture and used methods and methodological approaches for its science research. The dynamics of the development of the general logic of culture can be traced in the comparison of pairs of antinomical phenomenons: fragmentation – restoration of the integrity, analysis – synthesis, mind – feelings, common – unique. The specific of the methodological approach to the study of the modern culture is a combination of specific ways of rediscovering the essence of the common phenomenons for the restoration of their original meaning in the system of culture.

Keywords: rational analysis of the object, global dichotomy, the period of chaos, non-equilibrium state of the system, the integrity, the principle of subsidiarity.

Под сущностью я понимаю результат перехода от многообразия внешних форм к внутреннему содержанию и единству. Одна единая сущность проявляется и находит своё выражение во множестве явлений.

Юрий Кулаков

В истории человечества чувство причастности к безграничной Вселенной не раз наполняло души мужественных, поистине героических людей. Мудрецы Востока и Запада находили запредельные по глубине мысли на самом дне Небесного Колодца. Они создавали новые и новые модели Вселенной, пытаясь ответить на вопрос о своём месте и предназначении в гармоничном великолепии Космоса. «Мы утратили чувство космичности», – говорит Крису один из астронавтов на станции у планеты Солярис в одноимённом фильме Андрея Тарковского. Как это возможно для людей, буквально распротёртых в беспредельных просторах Великого Космоса? Возможно, если ограничить взгляд стенами станции и рамками узкой задачи.

Эпохи кризисов, величайших поворотов в единой космо-культурной системе до крайнего предела обостряют проблему взаимовлияния человека и мира, человека и культуры, человека и искусства. Проблема эта стара, как мир. Она давно и настойчиво будоражит исследователей, удерживая их логику и интуицию в плотном поле своей духовной гравитации.

Периоды кризисов, переломные, рубежные годы неоднократно встречаются в истории каждой культуры, в жизни каждого человека. И Россия уже третье десятилетие пребывает именно в таком глобальном переходном состоянии, когда Вечные вопросы становятся краеугольными, требующими взвешенного и принципиального решения. Сегодня осознание рубежа тысячелетий как одной из мощнейших «точек бифуркации» в истории мировой культуры стало общепринятым.

Слово «**бифуркация**» взято из синергетики и означает «**раздвоение**». В данном конкретном контексте – это раздвоение, доведённое до своего предельного состояния, это точка парадигмального поворота в телескопическом рассмотрении глобальной логики культурной эволюции человечества. Она требует установления нового масштаба мысли и чувства, нового взгляда на привычные явления, а в связи с этим – новой методологии в познании себя и мира, специфику и смысл которой можно узреть только с высот типологического рассмотрения общей панорамы культуры.

Процесс дробления, начавшийся с момента зарождения человечества, стал отражением всеобщей тенденции к разделению, обособлению, расчленению. Подтверждение тому – последовательное географическое разделение жизненного пространства на сферы влияния отдельных родов и общин, разделение общества на классы, продолжающийся и сегодня процесс разделения труда, расчленение изначально синкретических видов человеческой деятельности на отдельные составляющие и т.п. Всеобщий характер этого процесса позволяет рассматривать его с точки зрения любой существующей науки или сферы бытия, но каждый раз это будет лишь частный случай, одна из возможных граней изучения проблемы. Философские положения обладают необходимым качеством универсальности. С философской точки зрения процесс распада исходной целостности мира представляется в виде геометрической прогрессии.

В соответствии с библейскими преданиями, первый акт разделения единого в изначальной сотворённости мира происходит в момент «грехопадения человека, вкусившего плоды с древа познания добра и зла»: «Первый человек и есть первичный синтез земли и неба, физического и метафизического, живой мост между Творцом и миром. Поэтому утрата человеком личного общения с Богом, собственно, и составляющая начало его грехопадения, получила своим вторичным последствием омертвление души, а третичным – биологическую смерть, распад психосоматической целостности. Реконструируя библейское повествование, можно прийти к выводу, что первочеловек был самым целостным из всех существ» (Бурлака, 2009: 28). Возможно именно с последовавшим за грехопадением переходом в мир привычной для человека жизненной реальности связано и повсеместное проявление внутренней антиномичности среды на всех системных уровнях, метафорически выраженное в образе «утраченного Рая».

Уже у истоков культуры мы встречаемся с явными признаками двоичности мира, масштабы проявления которой рожают представления об архетипическом характере принципа бинарности, по крайней мере – в европейской культуре: «Бинарный архетип – это уникальный логический подтекст европейской культуры, присущий ей изначальное... Рассуждая в общем плане, можно сказать, что различные варианты бинарного дискурса (отличающиеся, в основном, по формам возможного синтеза противоположностей) присущи духовному опыту человечества в целом, причём европейская традиция выражает этот опыт в наибольшей степени в том смысле, что она имеет явную тенденцию к «заострению» противоположных сторон отношения (тезиса и антитезиса) при достаточно неопределённом (первоначально) стремлении к синтезу» (Уваров).

В истории мировой культуры фундаментальный дуализм представлений о мире мы встречаем в древнейшем восточном символе «Инь-Ян». Акцентируя

непрерывность движения как качественную характеристику бытия человека и культуры, он указывает на всеобщий характер двойственности в мироустройстве, подчёркивая невозможность довести каждую из двух составляющих до абсолюта и утверждая их взаимную дополнительную в реалиях жизни.

В период Греческой Классики на всех системных уровнях гармонически выстроенного Бытия и осваивающего его человека была философски обоснована необходимость и дополнительность двух равноправных начал – духовного и материального.

Эпоха Возрождения добавила большую конкретизацию сложившейся двойственности, выделив к тому же двоичные по природе точные науки как особый, отличный от религии, философии и искусства, способ познания мира. Одновременное существование различных путей познания мира и способов саморазвития человека, придание легального статуса понятию индивидуальности, признание права каждого человека на уникальность потребностей и возможностей стало поворотной точкой истории европейской и мировой цивилизации, тысячекратно увеличив меру пестроты и многообразия вариантов его культурной динамики. Не случайно в типологических исследованиях Л.М. Баткина итальянская *varietà* – «разнообразие» – выделяется как ключевое слово, раскрывающее сущность эпохи Возрождения, названной им переходной: «Это противоречие между универсальностью, всепричастностью человека и его устремлением вверх, между открытостью во все формы бытия, во все способы и виды деятельности и замыканием на мистическом созерцании Бога; между свободой воли – и необходимостью свободно выбирать высшее, небесное благо; между тем, что человек – это Всё, и тем, что он сам по себе – ничто, пустота, могущая быть заполненной, стать чем угодно. Это противоречие между тем, чтобы быть собой и отказаться от себя» (Баткин, 1990: 61).

Начиная с Нового времени, в Западной Европе получают окончательное разделение и самостоятельную жизнь понятия субъекта и объекта. В выросшей из Греческой Классики европейской культуре изначально закладывается ориентация на рациональный анализ объекта, что способствовало активному развитию отдельных отраслей науки и техники и определило направленность последующих эпох на материализм и фрагментарное расчленение картины мира.

Эрнст Кассирер в работе «Философия Просвещения» отмечает прогрессирующее усложнение мировосприятия и самого пространства культуры данной эпохи: «Твердая форма античного и средневекового воззрения на мир разрушается; мир больше не является «космосом» В смысле обозримого, доступного непосредственному созерцанию порядка вещей. Пространство и время расширяются в бесконечность: их уже невозможно ни понять в тех отчетливых пределах, которыми владела античная космология в платоновском учении о пяти неподвижных телах или в аристотелевском ступенчатом космосе, ни представить исчерпывающим образом в конечных мерах и числах» (Кассирер, 2004: 56).

И социальная структура общества, и различные сферы деятельности людей – наука, искусство, техника, язык, мораль и т. д. – пребывают в изолированном друг от друга состоянии. Характерной чертой научных исследований становится всё более сужающаяся специализация, позволяющая максимально углубиться в изучаемый предмет.

На определённом этапе стремление точных наук глубоко проникнуть в суть явлений имело позитивное значение. Оно создавало информационную базу для развития теории и методологии научного знания. Но концентрация на узком предмете имела односторонний, – «вертикальный» – вектор развития, оставляя без внимания «горизонтальные», обобщающие теории. На неоднозначность данного факта указывает в ряде своих работ М.С. Каган: «Исторический процесс разделения синкретизма имел и явно отрицательные следствия. Крупные достижения оборачивались не менее серьёзными утратами – потерей той разносторонности и полноты художественного отражения жизни, которые были доступны синкретическому творчеству: ведь соединение разных способов художественного освоения мира позволяло освещать изображаемое перекрёстными лучами..., создавать многомерные, «объёмные» образы... Неудивительно, что в истории художественной культуры Нового времени, начиная с конца XVIII века, мы встречаемся всё чаще со своеобразной ностальгией, тоской по утраченному единству искусств и с более или менее настойчивыми попытками возродить их былую взаимосвязь» (Каган, 1972: 239).

Рождение стремления восстановить исходную целостность культуры является важным симптомом, указывающим на серьёзность и глубину произошедших в ней изменений. В эпоху Просвещения тенденция обособленного развития отдельных элементов системы культуры ещё не исчерпала свои творческие и методологические ресурсы. Более того, именно в этот период она заявляет о себе в полный голос и так раскачивает «маятник истории», что под его ударами рушится целостность и двух последующих столетий. Возможно, именно этот факт дал основание В. Вейдле представить XIX век как эпоху, полную трагических разрывов и внутреннего драматизма: «Этот неуклюжий, тяжелодумный век, без молодости, без веры, без надежды, без целостного знания о жизни и душе, разорванный, полный воспоминаний и предчувствий; век небывалого одиночества художника, когда рушились все преграды и все опоры стиля, погибла круговая порука вкуса и ремесла, единство художественных деятельностей стало воспоминанием, и творческому человеку перестал быть слышен ответ других людей; этот век был веком великих музыкантов, живописцев и поэтов, он видел парадоксальный, мучительный расцвет музыки и живописи, поэзии, отрешённых от всего другого, не знающих ни о чём, кроме себя. Многое было у него, только... не было целого» (Вейдле, 1937: 72).

Некоторые другие ученые считают, что пикового, кульминационного состояния процесс размежевания и обособления, диффузного смешения идей, теорий, художественных стилей, направлений, не имеющих единой точки опоры, достигает на рубеже XIX-XX веков, а точнее – в начале XX века. П. Валери переживает этот момент как невероятное уплотнение времени и культуры, когда в едином мгновении «...цивилизированная Европа увидела быстрое возрождение бесчисленных обликов своей мысли: догм, философий, противоречивых идеалов: трёх сотен способов освесить мир, тысячи и одного оттенка христианства, двух дюжин позитивизмов, – весь спектр интеллектуального света раскинулся своими несовместимыми цветами» (Валери). Он рассматривает динамику развития кризисных процессов в культуре Европы как отражение онтологической диалектики «хаоса» и «порядка» в системе Бытия: «...Две опасности не перестанут угрожать миру: порядок и беспорядок» (Валери).

П. Валери не одинок в глобальных обобщениях происходящего. Рубеж XIX-XX веков большинство деятелей науки и культуры единодушно определяют как переходный период в развитии *всего* человеческого сообщества, как очередное «осевое время». Глубина и масштаб кризисных явлений оказались столь велики и значительны, что обусловили ведущее положение специфической «кризисной» проблематики во всей системе культуры XX столетия в целом, хотя их наибольшая активность приходится именно на его первую треть.

Осмысление многоцветия порождённых кризисом мировоззренческих поисков и широты перспектив становится неотъемлемой частью практически всех крупных работ и статей А. Белого: «Ещё недавно думали – мир изучен. Всякая глубина исчезла с горизонта. Простиралась великая плоскость. Не стало вечных ценностей, открывавших перспективы. Всё обесценилось. Но не исчезло стремление к дальнему в сердцах. Захотелось перспективы. Опять запросило сердце вечных ценностей. В ту пору зияющий провал разверзся между чувством и разумом. Трагический ужас разлада из глубин бессознательных дорос до поверхности сознания. Беспринципный скептицизм явился следствием неумения сохранить вечные ценности при невозможности обходиться без них» (Белый, 1994: 244).

В статье «Символизм как миропонимание» он характеризует состояние ожидания невозвратных утрат, с которым живёт современный ему человек: «Столетия верили в возможность научно-философского решения вопросов бытия. Сколько титанов воздвигало твердьню, чтобы взобраться на неё! Или времена борьбы между богами и титанами опять повторились? Или опять они низвержены в Тартар? Где оно – наше прошлое? Почему земля заколебалась под нами? Откуда эти невольные слёзы? Дорогие имена, дорогие заблуждения! Точно сидишь в уютной хижине рыбака перед отправлением в путь. Море шумит. Ветер и ливень глаза слепят. В последний раз перед старым рыбаком, в последний разжимаешь мозолистую руку. Уйдёшь и не вернёшься обратно. В путь пора...» (Белый, 1994: 244-245).

Созвучные драматизму настроения А. Белого ощущения угасания западной цивилизации стали побудительным мотивом для написания О. Шпенглером философски-публицистического исследования «Закат Европы», в рамках которого он анализирует историко-культурные закономерности и причины данного кризиса: «Дело не в том, что сами по себе представляют исторические факты любого времени, а в том, что означает или на что указывает их явление. Современные историки полагают, что дело сделано, раз ими использованы религиозные, социальные и даже художественные подробности для «иллюстрации» политического характера эпохи. Но они забывают решающее, так как видимая история – только выражение, знак, принявшая формы душевная стихия» (Шпенглер, 1993: 38).

В 1930-х годах выходит книга Й. Хёйзинги «В тени завтрашнего дня», имеющая подзаголовок «Диагноз духовного недуга нашей эпохи». Автор с тревогой отмечает, что к началу XX века кризисные настроения не только не уменьшаются, но даже продолжают углубляться. Начавшись как сугубо экономическое явление, кризис приобрёл всеобщий характер, что даёт автору право классифицировать его как системное состояние культуры в целом: «Настроения грозящей миру гибели, прогрессирующего разложения культуры стали повсеместными сравнительно недавно. Большинству людей основания для подобных мыслей дал экономический

кризис... В настоящее время осознание того, что мы переживаем острый, гибельный кризис культуры, проникло в самые широкие слои общества» (Хёйзинга, 1992: 246-247).

В 1917 году своей публичной лекции в Москве Н.А. Бердяев предпосылает анализу ситуации в мире искусства свою философскую оценку современности: «Много кризисов искусство пережило за свою историю. Переходы от античности к средневековью и от средневековья к возрождению ознаменовывались такими глубокими кризисами. Но то, что происходит с искусством в нашу эпоху, не может быть названо одним из кризисов в ряду других. Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах» (Бердяев, 1990: 3).

Ему вторят философы-футурологи («Римский клуб»), усматривающие в фундаментальности процессов смысловую параллель с периодом перехода человеческого общества от каменного века к железному: «На протяжении моей жизни ход человеческой истории решительно и внезапно переменялся. Суть этих изменений в том, что за какие-нибудь несколько десятилетий завершился продолжавшийся много тысяч лет период медленного развития человечества, и наступила новая динамичная эра. Буквально ошеломлённые событиями, которые свидетельствуют об этих переменах, мы всё время задаём себе вопрос, что же несёт нам новый век, станет ли он звёздным часом человечества или ввергнет нас в пучину ужасов и зла. И, как мне кажется, все перемены, в сущности, касаются именно изменившегося положения самого человека на Земле» (Печчеи, 1985: 37).

Й. Хёйзинга, А. Печчеи, Н. Бердяев – представители разных культур, но в большом историческом Пространстве и Времени они занимают одну культурную нишу. Видимо, этот факт обусловил их внутреннюю близость, сходство мироощущений и характеристик переживаемого момента. В приведённых выше цитатах кроме единодушной констатации кризисной ситуации в культуре и богатства характеризующих её эпитетов обращает на себя внимание ещё одна особенность – сходная *качественная* оценка глубины погружённости общества в кризисные процессы, метафорически выраженная О. Шпенглером: «Мы переживаем коренную ломку научного мировоззрения, происходящую в течение жизни ныне живых поколений, переживаем создание огромных новых областей знания, расширяющее научно охватываемый космос конца прошлого века..., переживаем изменение научной методики, идущее с быстротой, какую мы напрасно стали бы искать в сохраняющихся летописях и в записях мировой науки. Я приравнял его к взрыву – взрыву научного творчества» (Шпенглер, 1993: 38).

В философско-культурологической разноголосице начала XX века научный резонанс авторов в оценке современной им эпохи поражает: об «остром, гибельном кризисе культуры», проникшем «в самые широкие слои общества» пишет Й. Хёйзинга; «коренную ломку научного мировоззрения», «изменение научной методики», идущее с прежде неизвестной человечеству быстротой видит в текущем моменте В.И. Вернадский; «глубочайшим потрясением в тысячелетних основах» называет современный ему кризис культуры Н.А. Бердяев, представители «Римского клуба» метафорически отсылают нас в период неолитической революции. Редкое в истории науки согласие концептуальных позиций многих самостоятельных исследований даёт основание расценить их не как набор субъективных

эмоциональных переживаний момента, а как *объективное отражение* реальности. Позиции авторов сходятся в том, что рубеж веков и XX век – время *небывалого в истории культуры кризиса* и что кризис этот носит *черты глобальности*.

«Предстали перед человечеством события космического величия...» – пишет в работе «Врата в Будущее» о начале XX столетия Н.К. Рерих. В этот период понятия «космизм» и «глобальность» получили значение категорий, характеризующих качественный уровень развития мировой культуры.

Хрупкая, мозаичная картина мира, собранная из «цветных осколков» отдельных отраслей научного знания, готова мгновенно рассыпаться под тяжестью обрушившихся на человечество проблем Вселенского масштаба. В значительной степени этому способствует неизбежно проявляющийся в сознании людей периода ломки канонов в культуре архетип «начала и конца света», сопровождающийся ростом напряжения, беспоконства и ожидания трагической развязки. «Кажется, будто всё становится хаотическим»... – эта философская метафора Ф. Ницше вскрывает самую сущность мироощущения эпохи, имеющую в данном высказывании явно негативный оттенок. «Хаос» мыслится автором как основная характеристика момента, лишённого какой бы то ни было логики, закономерности, упорядоченности.

Задача целостного осмысления культуры ставит исследователя перед необходимостью не только «осветить» её «перекрёстным светом» (М.С. Каган) научных концепций и своеобразных авторских позиций, но и показать их взаимосвязи и взаимообусловленность единой логикой культурно-исторического процесса. Взятые обособленно, данные высказывания не добавляют ничего принципиально нового к характеристике культуры рубежа XIX-XX веков. Её кризисность давно стала общеизвестным фактом. Но именно смысловое единство, рождённое в процессе межкультурного и теоретического взаимодействия, делает зримым *историческое своеобразие данного момента* в глобальном, общемировом масштабе происходящего. К тому же, большинство авторов ограничивают научную задачу одной или несколькими отдельными сферами культуры, поэтому в контексте теоретического наследия одного учёного может сложиться ошибочное представление о локальном характере кризисных явлений в культуре начала XX века. Только взятые в сопоставлении, в единовременном созвучии, они ведут к пониманию всеобщности охватившего мировую культуру кризиса уникальности его лика в хронологической динамике мировой истории и типологической статике единовременного среза мировой культуры.

Кризисные этапы вряд ли возможно отнести к исключительным явлениям в процессе развития, они внутренне присущи ему как *необходимое средство прогресса и обновления*: «Синергетика свидетельствует о том, что хаос является конструктивным элементом самоорганизации сложных систем. А именно, он необходим для того, чтобы система вышла на аттрактор, на собственную тенденцию развития, чтобы инициировать процесс самодостраивания» (Князева, Курдюмов, 1994: 112). Любой переход из одного состояния в другое несёт в себе семантику кризиса – разной глубины и широты в каждом типе культуры.

Безысходное в своей трагичности одиночество личности, стремление постигнуть эсхатологические истины Мироздания получают в начале XX века Всепланетное, космическое звучание. Невиданный ранее масштаб противостояния противоположных начал даёт нам основание определить это время как период

глобального дихотомизма.

Вместе с этой, пунктирно обозначенной нами, тенденцией ту же логику развития проходит и зародившаяся в её истоках методология аналитического, рационально-логического познания мира. Рождённая из целостности изначального синкретизма бытия, она пробивается робким ростком уже в момент первого осознания человеком своего отличия от всего иного пространства «Первичное» знание, представленное в ритуале, формируемое в нем и существенным образом реализующее сам ритуал, было единым по своему главному признаку. В основе этого признака «первознания» — единство по происхождению и единство, вытекающее из целостного характера этого знания. По сути дела, лишь как результат некоторой аналитической процедуры (известного абстрагирования и логической дискурсии) следует объяснять выделение в этом едином исходном знании двоякого аспекта, возникновение которого было связано с индивидуацией человека, вычленением его из мира, формированием отношения «человек — мир» и поддержано некими биологическими механизмами бинаризма» (Топоров, 2010: 20). Раскрывая свою, казавшуюся безграничной, эвристичность в познании материальных процессов и явлений, он на каждом новом витке истории увеличивает разрыв между изначальной целостностью мира и дробностью его восприятия, между материальным и духовным, логическим и чувственным, объективным и субъективным, искусственно (в ходе познавательных операций) расчленяя на отдельные фрагменты живое пространство мира, культуры и человека. Зарождение этого процесса В.Н. Топоров метафорически выражает через образ «грамматика», «в функцию которого входил контроль над правильностью (адекватностью) речевой части ритуала»: «По сути дела, грамматик совершает по отношению к тексту те же операции, что жрец по отношению к жертве. Они оба расчленяют, разъединяют первоначальное единство, идентифицируют разъединённые его части...»(Топоров, 2010: 21). К XX веку и рационализм как специфический, казавшийся безальтернативным способ познания мира, и рождаемые им двойственность и разделённость, достигают критических пределов.

Линия развития культуры, направленная на дифференциацию и индивидуализацию, достигает к этому времени своей высшей точки, абсолютного максимума, когда дальнейшее движение в выбранном направлении становится невозможным. Это состояние балансирования между «культурой» и «антикультурой» не имело перспективы в рамках своей плоскости. Выход видится исследователями возможным лишь в *двух противоположных направлениях*, несущих в себе семантику «выхода в иные измерения» (для данной культуры это действительно *иные* измерения!): *вверх* или *вниз*. Понятия «верх» и «низ» употребляются здесь как философские метафоры, имеющие ценностно-смысловую направленность.

Градации «выше» и «ниже» применительно к культуре использует Д.С. Лихачёв, определяя при помощи этих понятий её способность к взаимодействию: «Культура объединяет народы. Чем выше культура нации, тем больше в ней нуждаются соседи и последующие поколения, тем больше она сама нуждается в освоении других культур. Чем ниже культура, тем безразличнее она к культурам других стран и эпох. Чем выше культура народа, тем сильнее в нём связующие нити, тем он миролюбивее, тем он социальнее... Разделённых культур не существует. Существует только разделённая и не общающаяся даже внутри самой себя антикультура. Тут нет

общения, ибо нет основ для общения» (Лихачёв, 1985: 66).

Итак, в XX веке перед культурой предстали *два пути развития*:

1 путь – «*вниз*», к массовой культуре и многообразным проявлениям поп-арта с их эклектичностью, апологией случайности как основы мировоззрения и главного художественного метода, к бессодержательности и направленности на эпатирование публики внешней эффектностью.

2 путь – «*вверх*», к новым пределам целостного мировидения посредством преодоления сложившейся расчленённости, фрагментарности картины мира и утверждению новой психологической и духовной установки. Сегодня эта возможность с научных позиций формулируется в культурологии М.С. Каганом как экзистенциальная программа «наук о духе»: «...постичь смысл происходящего в мире, при всей его иррациональности, ради поиска выхода из нынешнего трагического состояния цивилизации» (Каган, 1996: 395). Находясь в шоке от опустошения и угрожающего тупика, в котором в XX веке оказалась культура, люди ощутили потребность в ином модусе существования, в иных ценностях.

Было бы неверным утверждать, что обе эти тенденции сложились именно в современной культуре. В широком смысле они олицетворяют собой два универсальных начала, в единстве, борьбе и взаимных напряжениях которых формируется единое поле мировой культуры. Возникнув «на заре человечества», они прошли вместе с ним долгий и сложный путь эволюции, подъёмов и спадов. Это две «силы», проявляющиеся в функционировании всеобщих законов Бытия: западноевропейского – «единства и борьбы противоположностей» и восточного – «Инь-Ян», отражающих единство и взаимообусловленность противоположных начал в мироздании. Изменения соотношений этих сил, направлений, имеют принципиальное значение для понимания сущности происходящих в культуре процессов, так как они закладывают фундаментальные, типологические особенности и определяют стратегию развития историко-культурной ситуации.

Продвигаясь в ходе рассуждений всё ближе к третьему тысячелетию, мы очень обобщённо, «широкими мазками» обозначили изменения характера и места в ней первой, «дивизионной» (разделяющей) тенденции в намеренно-одностороннем аспекте, не учитывая присущей историческому процессу глубинной диалектики и даже принципиально избегая её. Это дало возможность увидеть логику развития интересующей нас идеи и осмыслить динамику её состояний в подвижном культурно-историческом контексте.

Сотрясающее фундаментальные основания культуры XX века ощущение хаоса знакомо каждому, кто силой обстоятельств оказывался вовлечён в стихию переломных процессов. История кризисов уходит в самое «детство человечества». Уже в эпоху Первобытности переход личности в новое состояние – инициация – имел ключевое значение и сопровождался множеством испытаний и особыми магическими ритуалами. Такая традиция помогала легко усвоить простую истину: ***перейти в новое качество можно только ценой предельных духовных и физических усилий.***

Древняя инициация имеет основополагающее значение в осмыслении назначения, сущностных особенностей кризиса и путей его преодоления. В рамках же классической науки кризис, или период хаоса, получил однозначно негативную

оценку, и в системе взглядов на мир приобрел семантический смысл «конца истории», «конца света», гибели, разложения.

Методологические открытия XX века в области взаимодействия саморазвивающихся систем расширили границы научного мировоззрения человечества новым пониманием сущности хаотических процессов. Хаос, именуемый в теории Л. Гумилёва «точкой пассионарности», а в синергетике названный «точка бифуркации», оценивается современными учёными как закономерное, необходимое звено любого развития. «Хаос выступает как двуликий Янус: он конструктивен через разрушительность (структура строится благодаря хаосу) и разрушителен через конструктивность (возникшие сложные структуры метастабильны, подходя к моменту обострения становятся неустойчивыми)» (Князева, 1995: 103). И в судьбе отдельной личности, и в истории культуры кризисные этапы внутренне присущи движению системы как необходимое средство прогресса и обновления. *Любой переход* из одного состояния в другое несёт в себе семантику *кризиса*. Современная наука пришла к ясному осознанию того, что кризис является *нормальным* и даже *необходимым* состоянием, обеспечивающим *эволюцию системы*.

Именно в границах хаотических периодов происходит разрушение стабилизирующих историко-культурный процесс традиций. Данное наблюдение было сделано ещё представителями классической науки и вполне объясняет их исторический пессимизм. Правда, они оставляли без внимания другую сторону этого процесса, получившую приоритетное значение как предчувствие будущего в искусстве рубежа веков и в синергетической научной теории в конце XX века: «Хаос есть первобытное, стихийное безначалие; космос – устроенная гармония, культура; из хаоса рождается космос; стихия таит в себе семена культуры; из безначалия создаётся гармония» (Блок, 1980: 153). Разрушая старее, хаос создаёт основу для очередного этапа эволюции или революционного скачка в будущее.

Таким образом, в контексте современной методологии хаотические (кризисные) эпохи утратили традиционную трагически-негативную оценку. Момент перехода получил позитивную окраску, в которой приоритет отдаётся его потенциальным возможностям в динамике развития.

Данная позиция имеет принципиальное значение. Хаос именно *создаёт предпосылки и открывает возможности* для нового этапа эволюции, но не гарантирует его прогрессивного результата. И характер результата, и логика выхода из кризиса определяются в первую очередь выбором общей стратегии и степенью продуманности конкретных действий. Это значит, что периоды перемен являются временем максимальной ответственности общества и каждого человека за тот новый образ культуры, в которую вырастет её современная трансформация.

В начале XX века в качестве пути преодоления кризиса была выбрана *синтетическая парадигма*. Она проявилась из потребности и устремлённости человека к целостности, равновесию и единству как фундаментальным принципам Бытия. Синтетические тенденции, как и логика дробления мира, сопровождают всю историю человечества, охватывая собой разные области жизни и проявляясь в них с разной мерой интенсивности. В культуре XX века логика синтеза реализовалась во множестве аспектов. В сфере искусства она стала ведущим методом художественного творчества, в философии – определила мировоззренческие основы

эпохи, а к середине столетия вышла на уровень общей методологии культуры. Этот поворот имел громадное значение для культуры человечества. Его пророческое видение зримо присутствует и в искусстве, и в философии начала века. «Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось», – пишет об этом периоде Н.К. Рерих (Рерих, 1994: 24).

Поистине «космическое величие» слышится уже в названии грядущей эпохи – эпохи «культуры духа». Достижение её требует восхождения на новую ступень, усилия, взлёта, порыва.

Часть суши поднимается над мировым океаном... – это событие огромной важности, новая ступень в геогонии. Оно удивляет, потрясает, восхищает, даёт мощный импульс научным и философским исследованиям. Не менее, а гораздо более значительной мыслится ситуация, когда человечество поднимается над раздорами, хаосом, разобщённостью. Это новая, эпохальная ступень в истории человеческого *духа*.

Повсеместное распространение идеи синтеза в культуре XX века доказывает своевременность гипотезы В.И. Вернадского о всеобщем характере происходящих на Земле процессов и всепланетном звучании единых для человечества проблем: «...Мы живём на переломе, в исключительно важную, по существу новую эпоху жизни человечества, его истории на нашей планете. Впервые человек охватил своей жизнью, своей культурой всю верхнюю оболочку планеты – в общем всю биосферу, всю связанную с жизнью область планеты. Жизнь человечества, при всей её разнородности, стала неделимой, единой» (Вернадский, 1991: 27). Изменившийся контекст оказал влияние и на формирование новой холистической культурной парадигмы, которая начала прорастать на основе *дробного и индивидуалистического* мировосприятия.

И в науке аналитическая парадигма заменяется на синтетическую, происходит переход от фрагментарности представлений о мире к осознанию его целостности и глубинных связей: «Наука – это попытка привести хаотическое многообразие нашего чувственного опыта в соответствие с некоторой единой системой мышления» (Лапо, 1987: 7).

Математика и физика отреагировали на изменение научной парадигмы сменой методологической ориентации: бесконечная дробность дифференциально-интегральных числений уступает место концепции возврата к целостности через понятие *кванта*. Именно так характеризует данное явление Г. Гачев, определяя квант как неделимую единицу не только на уровне микромира, но и в понимании сущности человека и культуры: «Квант есть утверждение недробности: нельзя дальше дробить индивида, данную целостность. Дифференциальное и интегральное исчисление основаны на постулате бесконечной дробности, допускают располосование любой целостности... Они враги простоты, идеи целого как простого и хотят всё заменить складчиной бесконечно дробимых элементов. Квантовая математика – это математика опять целых чисел и единиц, тогда как дифференциально-интегральная – это математика бесконечных дробей» (Гачев, 1989: 205). Появление кванта в логике точных и естественных наук было закономерным этапом, критической точкой в процессе атомизации научного знания и его методологических основ. Рождение понятия «предел делимости» исторически совпало с множеством других подобных явлений.

Идеи атомизма, властвовавшие в психологии с конца XIX века до 20-х годов нашего столетия, дали исходный импульс развитию «тонпсихологии», отдававшей предпочтение простым формам психических процессов перед сложными, многосоставными, основанными на взаимодействии многих составляющих. В XX веке и в психологии на смену дробности пришли принципы *целостности* восприятия личности, провозглашённые *гештальтпсихологией* (М. Вертхеймер, К. Коффка, В. Келер). Основная идея гештальттеории созвучна теории системы, которая «больше суммы её частей». Последователи гештальттеории признают наличие связей, при которых то, что происходит с субъектом в целом, считается невозможным вывести из состояний его отдельных элементов, связываемых потом вместе. В то же время проявления отдельных граней этого целого определяются единым внутренним законом данной системы.

Новая ступень обновления методологии науки была отмечена развитием квантовой механики. В 20-х годах XX столетия датским физиком Н. Бором открыт *принцип дополнительности*, суть которого заключается в констатации новой, не свойственной предшествующему этапу развития науки, закономерности: целостность сложного и сверхсложного явления можно осмыслить посредством применения взаимоисключающих друг друга дополнительных классов понятий. Только на пересечении смыслов и значений этих понятий можно получить максимально полную информацию: «Именно понятие дополнительности позволяет примирить, казалось бы, непримиримое: ведь электрон проявляет себя в различных экспериментах то как частица, то как волна. Частица-волна – две дополнительные стороны единой сущности. Нельзя подчёркивать одну из этих сторон в ущерб другой. Квантовая механика осуществляет синтез этих понятий, поскольку она позволяет предсказать исход любого опыта, в котором проявляются как корпускулярные, так и волновые свойства частиц» (Цит. по Мигдал, 1983: 47). В. Фок выделяет в квантовой механике особый вид связи микрочастицы с мировым целым посредством «несилового взаимодействия»: «Ударьте данный протон, говорят физики, и тотчас все протоны мира почувствуют одну и ту же боль» (Цит. по Григорьева, 1987: 294).

Идея «несилового взаимодействия» представляет собой яркую аналогию открытому в XX веке системному подходу и общей теории систем. Возникшая первоначально в точных науках – кибернетике, термодинамике, физической химии – она вскоре переросла рамки отдельной науки, став универсальным методом для изучения самых разных объектов.

Новой методологией, сущностно отражающей направленность научной парадигмы на обретение единства, стал *холизм* – принцип целостности, сформулированный в 1926 году южноамериканским философом Я. Сэмтсом на основе идеи «Метафизики» Аристотеля «Целое больше, чем сумма его частей». Это направление в науке не было оформлено как самостоятельное, но по сути оно близко многим современным научным конструктам.

Синтетическая парадигма не решила проблему выхода культуры из кризиса «фрагментарности». Содержательный спектр понятия «*синтез*» очень широк: под ним в разных контекстах подразумевают то интеграцию, то коммуникацию, то конвергенцию... Под понятие синтеза подходят разные типы взаимодействия: союз, сближение, слияние, диалог и т.д. Оно применимо к любому процессу, основанному на принципе *соединения, взаимодействия*. В общей логике культурно-

исторического развития было бы точнее назвать данный процесс *«поиск путей обретения целостности»*.

В глобальном смысловом контексте поиска целостности *синтез* обретает значение особого способа решения культурологической проблемы. Различные способы соединения разрозненных элементов далеко не всегда подразумевают корректную позицию по отношению к каждому из них. В большинстве случаев синтез осуществляется в ущерб одной из участвующих сторон. Если исходить из классического его понимания, *синтез* – соединение элементов, сторон предмета в единое целое, при котором «новое синтетическое отношение возникает на фоне *существенных преобразований исходных компонент*» (Зобов, Белик, 1994: 23). Это качество является ключевым при определении сущности синтеза. В алхимии синтеза исчезают первичные элементы, растворяясь в качестве основы в рождённом из них новом элементе. Этим синтез кардинально отличается от диалога, творящего новое при сохранении сущности и специфики его участников.

Эти же закономерности на уровне отношений отмечает М. Бубер. Его идеи выполняют функцию своеобразного мировоззренческого манифеста в культуре первой половины XX века. Критически оценивая существующие типы антропологии – индивидуализм и коллективизм – как крайне противоречивые и не соответствующие сущности человеческой природы, он провозглашает новый тип отношений – «человек с человеком» как «фундаментальный факт человеческой экзистенции»: «Отношение есть взаимность. Моё ТЫ воздействует на меня, как я воздействую на него. Наши ученики воспитывают нас, наши произведения создают нас. «Дурной» человек, если его коснулось светлое основное слово, превращается в дарующего откровение. Как воспитывают нас дети, как воспитывают животные! Мы живём, непостижимым образом включённые в поток вселенской взаимности» (Бубер, 1993: 13).

По его представлениям, индивидуализм видит человека лишь в соотнесённости с самим собой, поэтому «изображение» получается однобоким, а лицо человека – искажённым. Коллективизм же вообще не видит человека как субъекта. Он рассматривает общество в целом, игнорируя личностный аспект Бытия. В коллективизме изоляция человека не преодолевается, а лишь заглушается. Выход из сложившегося противоречия он находит посредством освоения нового типа человеческих отношений – «Я» и «ТЫ», на узкой кромке которого лежит область «между»: «Реальность, открытие которой началось в нашу эпоху, указывает для будущих поколений новый путь жизненного решения, который забирает выше индивидуализма и коллективизма. Здесь намечается то истинное «третье», познание которого поможет человеческому роду вновь обрести подлинную личность и утвердить истинную общность... Главным предметом этой науки будет не индивидуум и не коллектив, но человек с человеком. Особая сущность человека прямо познаётся лишь в живом отношении» (Бубер, 1993: 155).

Мартин Бубер в работе «Я и ТЫ» показал узость методологии логического знания в общении человека с миром: «Познавая, человек остаётся непричастен миру. Потому что знания локализируются в нём, а не между ним и миром. Мир не сопричастен процессу познания. Он позволяет изучать себя, и ему нет до этого дела, ибо он никак этому не способствует, и с ним ничего не происходит. Как опыт, мир принадлежит основному слову Я-ОНО. Основное слово Я-ТЫ утверждает мир

отношений» (Бубер, 1993: 7). Именно в общении человека с человеком как высшей форме межличностных отношений происходит встреча двух исповедей (М.С. Каган), подлинный диалог специфических духовно-культурных сущностей, в котором каждый получает максимально полное раскрытие и необходимое обновление.

В начале XX века диалогизм в Европе объявил себя «новым мышлением», то есть к моменту рождения философской концепции М. Бубера в западноевропейской культуре уже созрели предпосылки для освоения диалога. В России же ситуация складывалась иначе.

Засилье монологической идеологии нарождающегося тоталитарного государства осложняло научное обсуждение проблемы диалогических отношений. В этой среде величайшей заслугой М. Бахтина как учёного оказалась его способность прорвать непреступную стену монологического мировосприятия: «Точные науки – это монологическая форма знания: интеллект созерцает *вещь* и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только *безгласная вещь*. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только *диалогическим*» (Бахтин, 1979: 363).

М. Бахтин показал, что «эстетическая деятельность собирает рассеянный в смысле мир и сгущает его в законченный и самодовлеющий образ». Смыслы никогда не могут быть стабильными, единственно возможными или единственно правильными. Они меняются в бесконечном процессе творческого диалогического общения с текстом. В каждом тексте существуют неограниченные массы смыслов, но в определённые моменты они проявляются в обновлённом виде. При этом понятие текст имеет весьма широкое понимание – знаковая система, обладающая смыслом. Под это определение подходит любое явление в культуре: и произведение искусства, и человек, и сама культура в целом и отдельными её частями.

Именно М.М.Бахтин заявляет о необходимости утверждения в науке нового методологического принципа – *методологии гуманитарного знания*, применимой только к целостным явлениям и направленной на раскрытие их сущности, скрытого за внешней формой смысла. Он определяет *диалог* как тип отношений между текстами и как средство познания личности; «как корень и основание всех иных определений человеческого бытия» (В.С. Библер) и как основу смыслопорождения: «Текст живёт, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперёд, приобщающий данный текст к диалогу» (Бахтин, 1979: 364).

Проблема понимания занимает особое место в диалогизме М.М. Бахтина: «Понимание как превращение чужого в *«своё-чужое»*» (Бахтин, 1979: 371). Понимание в бахтинском смысле должно начаться с со-чувствия, со-переживания. Если в человеке не развита способность переживать чужие боли и радости как свои, то и о подлинном понимании им искусства тоже не может быть речи.

Изменения методологии в науке происходят чрезвычайно сложно. Особенно это касается гуманитарного знания. Рождение новых методологий в области точных и естественных наук всегда бывает связано с очередным научным открытием,

доказывающим ограниченность и недостаточность прежних подходов к познанию мира. Методология гуманитарного знания напрямую выходит на проблему пересмотра жизненных ценностей, картины мира, смены точки отсчёта и точки зрения. Она переносит познавательные акценты с материального – на духовное, с части – на целое, с формы – на сущность. Такие перемены в сознании человека происходят исключительно медленно. Проходят десятилетия и десятилетия, прежде чем новая научная теория сможет преобразиться в современную методологию, открывающую иные грани сущности человека, мира и создаваемой им культуры. Эта особенность проявилась в полной мере и не судьбе идеи гуманитарного знания: рожденная почти сто лет назад, она всё ещё с трудом пробивается через традиционность и привычность рационально-логической методологии.

Возможность изучать сложные объекты в *целостности* закрепились в мировой науке в 60-70 годах XX века, когда широкое распространение получил метод системных исследований. К рубежу тысячелетий понятия *системность* и *целостность* переросли значение терминов, превращаясь то в категорию, то в методологический принцип.

Открытие системного подхода в середине XX века стало вполне закономерным фактом в динамике науки и культуры. К этому времени был накоплен громадный объём тщательно изученной, но разрозненной информации о мире. Задача её осмысления поставила учёных перед необходимостью поиска путей обретения целостности.

Принципы системного анализа были разработаны в области точного и естественного знания. Возможность их применения в гуманитарных науках вообще и в исследованиях культуры в частности не была очевидной. Это методологическое открытие сделано М.С. Каганом и обосновано им в статьях и монографиях. Сегодня уже с полной определённой можно назвать системный подход его основным творческим методом и, более того – «стилем мышления» (по его собственному определению).

Системный подход применим к исследованию объектов особого типа – *системных объектов*. М.С. Каган определяет систему как «нечто большее, чем сумма её частей» (Каган, 1996: 22). Система складывается из элементов и из особого типа *отношений* между ними. При работе с системными объектами в центре внимания оказываются именно отношения: внутри системы – между элементами и подсистемами, и между системой и внешней средой – мегасистемой.

Современная ситуация в культуре имеет свою специфику, сущность которой образует смысловую параллель с культурно-историческими тенденциями начала XX века. Проблема преодоления внутреннего разрыва и формирования единого культурного пространства стала сегодня в высшей степени актуальной и обрела максимальный аксиологический вес. Её характерные особенности были выражены ещё в научных исканиях В.И. Вернадского, не утративших своей актуальности спустя целое столетие: сегодня «человек впервые реально понял, что он житель планеты и может – должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или союзов, но и в планетарном аспекте» (Вернадский, 1991: 98). Ведущим направлением научных исследований стал поиск *сущности явлений*, что оказывается возможным только при их целостном рассмотрении.

Рубеж тысячелетий с новой силой всколыхнул интерес к переосмыслению сущности одного из древнейших явлений мировой культуры – феномена искусства. В переходную эпоху поистине космического масштаба с новой силой зазвучал вопрос: что есть искусство? Каково его место в системе культуры и значение в жизни и деятельности человека? В статье «Закон сохранения Бытия» (2004 г.) Л.А. Коган метафорически определяет сущность Бытия: «У древнейшего первоосновного понятия Бытия своя особая судьба. Трудно назвать другое философское понятие – за исключением, пожалуй, свободы, – которое, будучи тысячелетия на слуху, оставалось бы столь по-разному воспринимаемым, необщезначимым, в чем-то загадочным»...

Именно в этом состоит и главная сложность искусства, обладающего трудновыразимой, но явно ощущающейся ключевой значимостью в Культуре Человечества. Предельный уровень обострения данной проблемы в поистине космической (в масштабах человеческой жизни и человеческого разума) эпохе смены тысячелетий настойчиво направляет современную мысль от традиционного логического, аналитического изучения искусства к его гуманитарному сущностному осмыслению как древнейшего феномена.

Для гуманитарного осмысления сущности явлений вообще, и сущности искусства в частности одним из наиболее значимых является вопрос о роли начала. Если заключительный этап, конец – «всему делу венец», то начало – это **фундамент**, основное **смысловое ядро**, из которого вырастает **логика становления системы**. Основные направления и характер будущей эволюции закладываются именно в начальный период развития.

«Будущее покоится в прошлом», – говорят философы Древнего Востока, то есть идея, заложенная в основе любой деятельности или формы бытия, определяет её результат или будущее состояние. Выраженные в символах, мифах и ритуалах **изначальные идеи** выполняют в культуре функцию архетипа (К.Г. Юнг) или «первотектона» (А. Пелипенко) – истока, сущности, задающей «априорные схемы всякой культурной деятельности» (Пелипенко, 1994: 58). Они определяются как «инвариантные матрицы, на основе которых в сознании субъекта могут моделироваться различные версии картины мира» (там же). **Знание изначальной идеи** позволяет понять подлинную природу явления, что составляет главное условие для его **сущностного осмысления** в исторической динамике и современном бытии.

Именно в священных глубинах прошлого таится зерно будущей культуры, в древних мифологических сказаниях кроется ответ на сложнейший вопрос об исторических перспективах и предназначении тех или иных феноменов культуры, а высота и изящество исходной идеи по принципу аттрактора определяет судьбу культуры, человека и его деяний.

Вопрос о Начале – один из самых глубоких и сложных вопросов в современных гуманитарных науках и жизненной практике. Чтобы понять современное состояние культуры в целом или любого её явления или процесса и вычленив ресурсы возможного будущего, необходимо отыскать причины и цели, то есть истоки их возникновения. Идея определяющей роли начала, высказанная в XX веке с научной аргументированностью представителями синергетики (И. Пригожин, С. Курдюмов и др.), проходит смысловым пунктиром, полунамёком, вскользь упомянутым

замечанием через всю историю культуры человечества. Начало – фундаментальная категория, как в зерне вмещающая в себе логику и специфику развития мира.

В научной сфере стремление осмыслить роль Начала тоже сопровождает человечество с момента формирования самой науки и до сегодняшнего дня. Непосредственно связанная с потребностью разобраться в сущности рождения и смерти человека, идея Начала относится к разряду вечных вопросов, поиск решения которых напрямую выводит на открытие специфики феномена культуры и понимание законов мироустройства.

Античные мыслители искали ответ на вопрос о сущности Бытия, соединяя начало и конец в диалектических философских построениях. Аристотель в работе «О философии как науке» даёт точное указание смысла деятельности философа и вообще всего познавательного процесса: «Совершенно очевидно, что необходимо приобрести знание о первых причинах». Исходя из разных представлений о первоначале (огонь, вода, апейрон и др.), они выстраивают сложные системы небесного и земного Космоса. Именно тогда были открыты и сформулированы столь сложные общие законы строения мира, была заложена столь мощная философская база исследования его первооснов, что их освоение наполнило жизненными силами практически всю дальнейшую европейскую и мировую культуру.

Диалектическая мысль о том, что всякое начало есть «неразвитый результат», а результат есть «развитое начало», составляет основу теории Г. Гегеля. В 1907 году в работе «Творческая эволюция» А. Бергсон доказывал, что цель эволюции лежит не впереди, а позади, выступая в форме исходного «взрыва», начала, приводящего к развёртыванию жизненного процесса. Идею преддетерминации, влияния будущего на современность, когда «от будущего веет незаметно ветер», высказывает Ф. Ницше. В культурах разных народов представлены традиции, ритуалы и суеверия, связанные с формированием *особого отношения к началу*.

В сфере теоретической социологии осмысление состояния *общества* в зависимости от характера его начала, истоков, исходной идеи предлагает В. Немировский: «Переходя к анализу эволюции социума с учетом его трехуровневого строения, подробнее остановимся на проблеме **источника развития** (выделено мной – Е.Б.), своего рода «исходной точке» этого процесса. Любая концепция социальной эволюции во многом определена тем, как представляется в ней Начало, первопричина человеческой истории, иными словами, происхождение человека и общества» (Немировский, Невирко, 1997-1998: 98).

В XX веке эти идеи обрели новую жизнь в изучающей сверхсложные явления мира синергетике: «Результаты синергетики как бы возвращают нас к идеям древних о потенциальном и непроявленном. В частности, они близки к представлениям Платона о неких первообразцах и совершенных формах в мире идей (эйдосах), уподобиться которым стремятся вещи видимого, всегда несовершенного мира. Или же к представлениям Аристотеля об энтелехии, о некой внутренней энергии, заложенной в материи, вынуждающей её к обретению определённой формы» (Князева, Курдюмов, 2007: 109).

В терминологии синергетики было создано понятие «аттрактор» – идея-магнит, определяющая цель развития системы. «Понятие «аттрактор» можно соотнести с эйдосами Платона – идеями как первообразами, уподобиться с которыми и

подражать которым стремятся вещи видимого мира, а также с идеальными формами Аристотеля, а применительно к человеческой психике – с архетипами в смысле Юнга. В психологии это явные или скрытые установки, которые преддетерминируют поведение человека, строят его из потребного будущего состояния вещей» (Пригожин, 1986: 31).

Процесс развития культуры определяется её *исходным состоянием и первичным импульсом, идеей, устремлением к будущему*. Как здесь не вспомнить мифологические модели мира и образное описание сотворения мира и человека в религиозных концепциях разных народов, где высшую значимость приобретают именно первичный импульс и исходное вещество!

Именно с идеи «начинаются» все элементы системы культуры, для которой наличие исходного духовного «импульса» является принципиальной сущностной установкой. «Подумал, произнёс, свершилось...» Эта «формула творения» была произнесена Матерью Мира для бога Неба Ульгенья в алтайской мифологии. Эта же «формула» действует во всех проявлениях активности человека: физической, духовной, художественной, каждое действие которого начинается с идеи. Это единый *алгоритм* порождения явлений, выделенный в семиотической концепции культуры Ю.М. Лотмана и других представителей его научной школы, в системно-синергетической концепции культуры М.С. Кагана. Ключевая роль начала объясняет научную логику изучения явлений и дисциплин: мы каждый раз движемся «от истоков», с отправной точки, в которой «всё началось» – к современности.

Исходная идея, сложившаяся в процессе рождения явления или выбранная в поворотный момент его развития, оказывается своеобразным «магнитом», притягивающим к себе необходимые средства, «запускает» процесс самоорганизации, который и выводит систему на прогрессивный или разрушительный путь (в зависимости от характера выбранной цели), фактически моделирует будущее. Под эту характеристику подходит и революционная ситуация, проявляющаяся, когда прежние ресурсы исчерпаны; и смена формаций, художественных стилей, мировоззренческих моделей; динамика жанрового и видового разнообразия искусства; развитие личности и судьбы человека: «В сложном мире, в котором мы живём и который описывается закономерностями синергетики, существует представление о структурах-аттракторах эволюции как о проявленных формах, всплывающих из океана непроявленного, из хаотической бездны, кишашей возможностями» (Князева, Курдюмов, 2007: 24).

В сфере социальных систем эту мысль развивает В.В. Василькова: «Потенциальные структуры социального порядка все время незримо присутствуют в пластах национальной культуры как возможные варианты новых стационарных состояний» (Василькова, 1999: 154).

На принципиальную значимость исходной *идеи* на примере музыки обращает внимание В. Медушевский: «Когда из мысли выветривается вера, когда духовность и все сущностные силы покидают её и мысль становится бессильной, лишённой радостной бытийственной энергии, когда она уже не поднимает ввысь, – тогда она впадает в этот порок распада чуда. В пределе остаётся шелуха бытия, пустая информация» (Медушевский, 1993: 241).

Роль начала в творческом процессе характеризует И. Пригожин: «Литературное произведение, как правило, начинается с описания **исходной ситуации** с помощью конечного числа слов, причём в этой своей части повествование ещё открыто для многочисленных различных линий развития сюжета. Эта особенность литературного произведения как раз и придаёт чтению занимательность – всегда интересно, какой из возможных вариантов развития исходной ситуации будет реализован. Так же и в музыке – в фугах Баха, например, заданная тема всегда допускает великое множество продолжений, из которых гениальный композитор выбирал на его взгляд необходимое. Такой универсум художественного творчества весьма отличен от классического образа мира, но он легко соотносим с современной физикой и космологией» (Пригожин, 1991: 50).

Открытия синергетики выводят понимание приведённых выше фактов на уровень методологии: «Синергетика даёт возможность строить прогнозы от целей, структур-аттракторов развития знания, от целого, общих тенденций развития в целостных системах знания и от желаемого человеком и согласованного с собственными тенденциями развития систем идеала. Синергетика направлена на установление универсальных механизмов самоорганизации» (Пригожин, 1986: 30).

Закон «о начале» не выделяется представителями синергетики как самостоятельное методологическое построение. Он растворён в открытых ими закономерностях и **формулируется нами** как методологический принцип, закон, раскрывающий новые возможности гуманитарного прочтения смысла современного состояния культуры или её отдельных явлений и проектирования логики её будущего развития.

В настоящее время классификация открытого нами фундаментального свойства явлений культуры и всей её системы как закона имеет характер научной гипотезы, которой только предстоит пройти глубокую научную экспертизу в ходе защиты докторской диссертации. Для выяснения правомерности постановки вопроса мы обратились к философии науки, определяющей на сегодняшний день основные градации понятия «закон» и особенности его функционирования в современной научной картине мира.

«Закон – это существенная, необходимая, устойчивая, повторяющаяся связь между явлениями... Различают всеобщие, общие и частные законы. Всеобщие – это законы диалектики, которые имеют универсальный характер, действуют во всех без исключения сферах деятельности. Общие – это такие, которые не будучи всеобщими, тем не менее, выражают связи, общие для наук о материальной действительности... Различают законы структуры, закон функционирования и закон развития. Если первый характеризует структурную организацию систем различной природы и сложности, а вторые позволяют понять различные аспекты деятельности кибернетических систем (в частности их поведение), то закон развития имеет дело с развитием систем в процессе их эволюции, совершенствования, самоорганизации» (Философия науки).

Системный характер научных аналогий, принятые в современной философии науки дефиниции «закона» позволяют определить обнаруженные нами качества культуры и её элементов как общий закон функционирования и развития культуры. Ведущая роль начала проявляется во всех без исключения процессах и явлениях, входящих в систему культуры, так как первичность идеи как исходного импульса

любого явления или действия является сущностным свойством культуры (Ю.М. Лотман, М.С. Каган).

Открытия синергетики убеждают: *идея, заложенная в момент возникновения интересующего нас явления культуры, будет являться истинной, позволит определить его исходный, подлинный смысл. Она сохраняется в динамике развития явлений культуры в неизменном виде при любых изменениях его внешней формы и функционирования.* Это свойство исходной идеи определяет значимость начала в системе культуры.

Начало – фундаментальная категория, как в зерне вмещающая в себе всю логику и специфику развития. Современная биология открыла «свёрнутые» в виде сложных кодов потенции личностного развития человека в исходной клетке, из которой формируется будущий организм. В отношении развития явлений культуры современные открытия позволяют предположить, что продолжительность жизни и *качество явления культуры* зависит от высоты и масштабности заложенной в нем изначальной идеи.

Закон о Начале выражает единый методологический принцип, действующий на всех системных уровнях культуры (а возможно – и всего Бытия, но эта гипотеза будет работать только в мировоззренческой концепции, признающей специфическую сущность процесса творения и наличие Творца): *идея, заложенная в момент возникновения интересующего нас явления культуры, будет являться истинной, раскрывающей его исходный, подлинный смысл. Она сохраняется в динамике его развития в неизменном виде при любых обновлениях внешней формы и способов функционирования, составляя внутренний стержень данного явления и не давая ему тем самым абсолютно утратить себя в ходе непрерывного изменения.*

В действии «закона о Начале» проявляется важное свойство. Чем *дальше от исходного смысла* уводят интересующее нас явление культуры происходящие в логике его развития перемены, тем сильнее и ярче будут проявляться в нём *кризисные состояния*, вплоть до угрозы полного вырождения. Этот принцип означает, что если в бытии какого-либо явления культуры мы обнаруживаем состояние кризиса, то это значит, что мы значительно отклонились в работе с ним от его истинного смысла. Для определения пути выхода из кризиса необходимо вернуться в то культурно-историческое прошлое, когда это явление возникло, чтобы понять его исходный смысл. Сравнив исходный смысл данного явления с современным, мы получаем возможность увидеть характер и направленность произошедших в нём изменений и найти более точный путь разрешения возникшего в ходе развития противоречия.

Эти проявления рождают *гипотезу*, что и особенное *назначение искусства как культурно-исторического феномена, его специфическую сущность как некоей уникальной целостности можно понять, обратившись к его истокам.*

В данном контексте обращение к вопросу о зарождении искусства в системе культуры первобытного общества приобретает основополагающее значение. Мистические корни искусства надолго определили его место в культуре как проводника высших духовных состояний, способного устанавливать прямой контакт человека с действующими в мире высшими и низшими духовными силами. Сущность искусства традиционно видели в его способности «воспроизводить

божественное творение» (Ф.Р. Ламенне). Все религиозные культуры мира обладали единственным средством, способным погрузить отдельного человека или всё общество в состояние переживания религиозного чувства, озарения, транса – искусством. Эпохи, получившие преимущественно светское направление развития, ставили перед искусством более «земную» задачу внутреннего преображения человека – задачу по существу тоже магическую, хотя формы и содержание художественных произведений становятся совершенно далёкими от религиозного культа или подлинной, известной нам по практике архаических племён, магии.

Ни одна серьёзная образовательная или духовная система в истории человечества никогда не обходилась без помощи искусства. Вероятнее всего это как раз и было связано с заложенной в самом основании искусства способности оказывать воздействие на внешнее поведение или внутренний мир личности – в зависимости от конкретных средств и способов взаимодействия с ним. Чтобы по-настоящему понять произведение, зрителю необходимо обрести состояние, синхронное пережитому автором озарению во время творчества. Подобную позицию в оценке художественного текста утверждает и К.Г. Юнг. Он выделяет принципиальную направленность произведения на совместность существования – автора и зрителя, автора и персонажей произведения, зрителя и героев произведения – называя это состояние не просто «событием», а буквально – «со-бытием». Из открытой психоанализом необходимости прорастания смыслового зерна произведения в душе и сознании воспринимающего его зрителя или слушателя, в 20-е годы XX века в России укореняется разработанная М.М. Бахтиным методология гуманитарного знания, направленная не столько на произведение и личность человека самих по себе, сколько на необходимость их совместного духовного сотрудничества, взаимодействия и взаимовлияния. Теория «со-бытия» кардинально изменила и методологическую направленность науки об искусстве, и поиск новых форм включения искусства в систему образования.

Главная особенность диалога зрителя и читателя с текстом состоит в том, чтобы обнаружить, почувствовать и пережить скрытое в произведении состояние эмоционального одухотворения в ходе поиска и интерпретации его смысла. В сложившейся музейной и образовательной практике чувственная сторона произведений искусства остаётся, как правило, за пределами внимания экскурсоводов и посетителей. Тексты экскурсий и школьные занятия насыщены информацией о жизни и творчестве художников, о художественных стилях и творческих методах авторов. Безусловно, это важная основа для знакомства, но лишь основа! Чтобы произведение оставило след в душе человека, необходимо его эмоционально пережить в процессе диалогического общения.

Произведение, как смысловое зерно, как источник нашего понимания, заключает в своей системной целостности широчайшее поле вариантов его семантического прочтения, которое может считаться бесконечным ввиду бесконечной изменчивости личности каждого воспринимающего его человека. В сформулированной М. Бахтиным связке «текст-контекст», открывшей глубинный резонанс между содержанием произведения и характером воспринимающей его личности, непрерывность изменений личности даже одного и того же человека становится основанием для безграничного (в своём самообновлении) процесса порождения смыслов произведения, а если изменчивость свойственна ещё и самому тексту

произведения (как, например, при исполнении музыки или в театральном представлении), или если в восприятии участвуют множество субъектов, то «смысловая лавина» увеличивается в геометрической прогрессии.

Древнейшее состояние культуры человечества необходимо и ещё только предстоит прочесть как смысловый исток художественного творчества, в границах которого сформировалась исходная идея, тот самый изначальный смысл искусства в системе культуры, его назначение в процессе взаимодействия человека и мира, который сохраняется в нём и в настоящее время, и будет оставаться его истинной сущностью при всех формальных изменениях языка и социального функционирования искусства в будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Баткин Л.М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. – М.: Искусство, 1990, с. 61.
2. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979, с. 363.
3. Белый А. Символизм как миропонимание // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. Ст. и прим. Л. А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – 528 с. – (Мыслители XX в.), с.244-255.
4. Бердяев Н.А. Кризис искусства. – М.: *СП Интерпринт*, 1990, с. 3.
5. Блок А. О назначении поэта // Блок А. Об искусстве. – М.: «Искусство», 1980, с. 153.
6. Бубер М. Я и Ты: пер. с нем.. – М.: Высшая школа, 1993, с. 7.
7. Бурлака Д.К. Метафизика культуры. – 3-е изд. – СПб: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2009, с. 28.
8. Валери П. Кризис духа // Валери П. Об искусстве. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/valeri/ob_isk.php
9. Василькова В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб., 1999.
10. Вейдле В. Гл. IV. Умирание искусства // Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. Париж, 1937. с. 70-101.
11. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление /Отв. ред. А.Л. Яншин – М.: Наука, 1991, с. 27.
12. Гачев Г. Книга удивлений. – М.: «Педагогика», 1989, с. 205.
13. Григорьева Т.П. Образы мира в культуре: встреча Запада с Востоком // Культура, человек и картина мира. (ред. А.И. Арнольдов, В.А. Кругликов). – М.: Наука, 1987, с. 294.
14. Зобов Р.А., Белик В.Ф. Синтез и проблема творческой деятельности // Семиодинамика. Труды семинара при СПбГУ / Ред. проф. Р.Г. Баранцева [сб. ст.]. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1994, с. 23.

15. Каган М.С. Морфология искусства. – Л.: Искусство, 1972, с. 239.
16. Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996, с. 395.
17. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. – М.: Ин-т философии РАН, 1995, с. 103.
18. Кассирер Э. Философия Просвещения / Пер. с нем. В.Л. Махлина. Научный редактор: Е.Н. Балашова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 400 с. (Серия «Книга света»).
19. Князева Е., Курдюмов С. Интуиция как самодоустройство // Вопросы философии. – 1994. – №2. – с. 112.
20. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М.: КомКнига, 2007, с. 109.
21. Лапо А.В. Следы былых биосфер, или рассказ о том, как устроена биосфера и что осталось от биосфер геологического прошлого. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Знание, 1987, с. 7.
22. Лихачёв Д.С. Прошлое – будущему. Статьи и очерки. – Л.: Наука, 1985, с. 66.
23. Медушевский В. Интонационная форма музыки: Исследование. – М.: Композитор, 1993. – 262 с.
24. Мигдал А.Б. Поиски истины. – М.: «Молодая гвардия», 1983, с. 47.
25. Немировский В.Г., Невирко Д.Д. Теоретическая социология: нетрадиционные подходы: Учебное пособие – Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России; изд-во «Горница», 1997-1998. – 256 с.
26. Пелипенко А. Культурная динамика в зеркале художественного сознания // Человек. – 1994. – № 4. – с. 58.
27. Печчеи А. Человеческие качества – М.: Прогресс, 1985, с. 37.
28. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М., 1986.
29. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – №6. – С. 46-57.
30. Рерих Н.К. Врата в будущее // Рерих Н.К. О Вечном. – М.: Республика, 1994, с. 24.
31. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Топоров В.Н. Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. Т.2. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010, с.7-61.
32. Уваров М. Бинарный архетип. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/uvarov/01/00.html>
33. Философия науки. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filnauk.ru/biletu-s-otvetami-po-filosofii-nauki/149-ponyatie-zakona-klassifikaciya-zakonov.html>
34. Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: «Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992, с. 246-247.

35. Шпенглер О. Закат Европы – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993, с. 38.

BIBLIOGRAPHY:

1. Batkin L.M. Leonardo da Vinchi i osobennosti renessansnogo tvorcheskogo mihsleniya. – M.: Iskusstvo, 1990, p. 61.

2. Bakhtin M.M. K metodologii gumanitarnihkh nauk // Bakhtin M.M. Ehstetika slovesnogo tvorchestva. – M.: Iskusstvo, 1979, p. 363.

3. Belihyj A. Simvolizm kak miroponimanie // Belihyj A. Simvolizm kak miroponimanie / Sost., vstup. St. i prim. L. A. Sugayj. – M.: Respublika, 1994. – 528 p. – (Mihsliteli XX v.), p.244-255.

4. Berdyayev N.A. Krizis iskusstva. – M.: SP Interprint, 1990, p. 3.

5. Blok A. O naznachenii poehtha // Blok A. Ob iskusstve. – M.: «Iskusstvo», 1980, p. 153.

6. Buber M. Ya i Tih: per. s nem.. – M.: Vihsshaya shkola, 1993, p. 7.

7. Burlaka D.K. Metafizika kuljturih. – 3-e izd. – SPb: Izd-vo Russkoyj khristianskoyj gumanitarnoyj akademii, 2009, p. 28.

8. Valeri P. Krizis dukha // Valeri P. Ob iskusstve. – [Ehlektronnihyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/valeri/ob_isk.php

9. Vasiljkova V. Poryadok i khaos v razvitii socialjnihkh sistem: (Sinergetika i teoriya socialjnoj samoorganizacii). – SPb., 1999.

10. Veyjdle V. Gl. IV. Umiranje iskusstva // Veyjdle V. Umiranje iskusstva. Razmihshleniya o sudjbe literaturnogo i khudozhestvennogo tvorchestva. Parizh, 1937. p. 70-101.

11. Vernadskiy V.I. Nauchnaya mihsly kak planetarnoe yavlenie /Otv. red. A.L. Yanshin – M.: Nauka, 1991, p. 27.

12. Gachev G. Kniga udivleniyj. – M.: «Pedagogika», 1989, p. 205.

13. Grigorjeva T.P. Obrazih mira v kuljture: vstrecha Zapada s Vostokom // Kuljtura, chelovek i kartina mira. (red. A.I. Arnoljdov, B.A. Kruglikov). – M.: Nauka, 1987, p. 294.

14. Zobov R.A., Belik V.F. Sintez i problema tvorcheskoyj deyatel'nosti // Semiodinamika. Trudih seminaru pri SPbGU / Red. prof. R.G. Baranceva [sb. st.]. – SPb: Izd-vo SPbGU, 1994, p. 23.

15. Kagan M.S. Morfologiya iskusstva. – L.: Iskusstvo, 1972, p. 239.

16. Kagan M.S. Filosofiya kuljturih. – SPb.: TOO TK «Petropolis», 1996, p. 395.

17. Knyazeva E.N. Odisseya nauchnogo razuma. Sinergeticheskoe videnie nauchnogo progressa. – M.: In-t filosofii RAN, 1995, p. 103.

18. Kassirer Eh. Filosofiya Prosvetheniya / Per. s nem. V.L. Makhlina. Nauchnihyj redaktor: E.N. Balashova. – M.: «Rossiyjskaya politicheskaya ehnciklopediya» (ROSSPEhN), 2004. – 400 p. (Seriya «Kniga sveta»).

19. Knyazeva E., Kurdyumov S. Intuiciya kak samodotraivanie //Voprosih filosofii. –

1994. – N2. – p. 112.

20. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P.. Sinergetika: Nelineynostj vremeni i landshaftih koehvolyucii. – M.: KomKniga, 2007, p. 109.

21. Lapo A.V. Sledih bihlihkh biosfer, ili rasskaz o tom, kak ustroena biosfera i chto ostalosj ot biosfer geologicheskogo proshlogo. – 2-e izd. pererab. i dop. – M.: Znanie, 1987, p. 7.

22. Likhachyov D.S. Proshloe – budutemu. Statji i ocherki. – L.: Nauka, 1985, p. 66.

23. Medushevskiy V. Intonacionnaya forma muzihki: Issledovanie. – M.: Kompozitor, 1993. – 262 p.

24. Migdal A.B. Poiski istinih. – M.: «Molodaya gvardiya», 1983, p. 47.

25. Nemirovskiy V.G., Nevirko D.D. Teoreticheskaya sociologiya: netradicionnihe podkhodih: Uchebnoe posobie – Krasnoyarsk: Krasnoyarskaya vihsshaya shkola MVD Rossii; izd-vo «Gornica», 1997-1998. – 256 p.

26. Pelipenko A. Kuljturnaya dinamika v zerkale khudozhestvennogo soznaniya // Chelovek. – 1994. – N 4. – p. 58.

27. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva – M.: Progress, 1985, p. 37.

28. Prigozhin I. Poryadok iz khaosa: Novihyj dialog cheloveka s prirodoyj. – M., 1986.

29. Prigozhin I. Filosofiya nestabiljnosti // Voprosih filosofii. – 1991. – №6. – P. 46-57.

30. Rerikh N.K. Vrata v buduthee // Rerikh N.K. O Vechnom. – M.: Respublika, 1994,

p. 24.

31. Toporov V.N. O rituale. Vvedenie v problematiku // Toporov V.N. Mirovoe drevo: Universaljnihe znakovihe kompleksih. T.2. – M.: Rukopisnihe pamyatniki Drevneyj Rusi, 2010, p.7-61.

32. Uvarov M. Binarniyj arketip. [Elektronniyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://philosophy.ru/library/uvarov/01/00.html>

33. Filosofiya nauki. – [Elektronniyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://filnauk.ru/bilety-s-otvetami-po-filosofii-nauki/149-ponyatie-zakona-klassifikaciya-zakonov.html>

34. Khyoyzjinga Yj. Homo ludens.V teni zavtrashnego dnya. – M.: «Izdateljskaya gruppa «Progress», «Progress-Akademiya», 1992, p. 246-247.

35. Shpengler O. Zakat Evropih – Novosibirsk: VO «Nauka». Sibirskaya izdateljskaya firma, 1993, p. 38.